

Книги Марика Лернера
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА
ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ
ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ**

**ЮНОСТЬ ВОИНА
ЗЕМЛЯ ВОИНА
БУДУЩЕЕ ВОИНА
ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ
ОБМАНУТЬ СМЕРТЬ
СТРАНА БЕЛОВОДЬЕ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАРИК ЛЕРНЕР

**СТРАНА
БЕЛОВОДЬЕ**

РОМАН

Москва, 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1041

Художник
М. Поповский

Лернер М.

Л49 Страна Беловодье: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2365-1

В глухом лесу, на берегах могучей реки, вдалеке от многолюдных княжеств жизнь течет медленно и однообразно. Случайное стечение обстоятельств заставляет молодого парня пуститься в дорогу. А вокруг отнюдь не рай. Чтобы хорошо жить, требуется пролить реки пота и добавить туда немало крови. Своей и чужой. Да и земля обетованная имела свое исконное население до появления славян. И не всегда те аборигены дружелюбны. А некоторые из них и вовсе не люди. Сказочные персонажи оказались вовсе не выдумкой, и у них на людей свои виды, не всегда понятные.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2365-1

Глава 1

НЕОЖИДАННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Опасность! Опасность!

Данила, еще не проснувшись, полоснул мгновенно выхваченным ножом рядом с собой и, вскочив, остолбенел. Акинф застыл рядом, глядя выпученными глазами и старательно зажимая рану в животе. Меж пальцев у него сочилась кровь, тяжелыми каплями шлепаясь на палубу. В тусклом свете убывшей до последней четверти луны она казалось черной.

— Я... не хотел, — пробормотал Данила, окончательно потерявшись и чувствуя, как по хребту текут струйки холодного пота.

— Кочкарь, — сказал плачущим голосом Акинф, — он меня порезал.

— Ничего поручить нельзя убогому, — сипло сказал из-за его спины кормщик. Смутная тень отделилась от мачты и надвинулась с дубинкой в руках, превращаясь в громадного человека.

«Поручить?» Взгляд Данилы остановился на валяющихся у ног Акинфа цепи и мешочке, судя по виду набитом чем-то вроде песка. Такие вещи он знал, не настолько наивен. Хлопнуть по плечу и, когда тот машинально приподнимется, двинуть сзади, где череп соединяется с позвоночником. Так бьют, умиряя рабов или отлавливая наивных дурачков, мимолетно мелькнуло в голове, пока смотрел на приближающегося Кочкаря. И цепь для того ушкуйник принес. И, даже не пытаясь сделать выпад в сторону могучего бородатого мужика — тот его одной левой заламает, — прямо с места кинулся за борт.

Холодная вода вышибла из головы остатки сонной одури, и Данила торопливо поплыл в сторону берега, вкладывая в бегство все силы. Сзади доносилась громкая ругань и беготня.

Выскочил на берег и, не сбавляя скорости, кинулся к кустам. На ладье грохнул выстрел, рядом злобно прожужжала пуля, заставив совершить скачок, не хуже оленьего, в сторону. Он нырнул за первое попавшееся дерево и замер, настороженно прислушиваясь и высматривая темнеющий на реке ушкуй.

Даже в нынешнем паническом состоянии он уже достаточно соображал, чтобы не нестись дальше по ночному лесу, не разбирая дороги и с риском ноги переломать. Прямо сейчас они не погонятся — чай, смекают, что беглец унесся далеко и скоро не остановится. Собак не имеется, и на борту всего четверо, вместе с раненым. Груз ценный, так просто не оставят: лихие люди обычно появляются без предупреждения. Тут его затрясло от нервного смеха. И поделом было бы, ограбь их. Нет, ну надо же так нарваться, уму непостижимо.

Не в первый раз ходит Кочкарь мимо их поселка, и сроду никто претензий к нему не имел. Люди как люди. Ничуть не лучше, однако и не хуже прочих, живущих с реки и останавливающихся у них. Неотесанные и богохульники, страшные пьяницы, необузданные гуляки, но это для них с матерью как раз полезно было, пока не переходили определенных границ. Потому что транжиры и не считали каждый медяк, будучи при деньгах. Хвастуны еще, а в общем — обычные парни, нередко рисовавшиеся своим великодушием.

Акинф ему никогда не нравился, какой-то он скользкий и неприятный. Что косил — это от Господа, — но вечно смотрел так, будто чего утянуть не прочь. А кормщик был человек слова и всегда его держал. Любую вещь при необходимости привезет и не столь много сверху попросит. Да и остальные нормальные речники. Никогда всерьез не цеплялись, а что ввали красн — так кто на реке не врет? Особенно под третью кружку. Не пива, естественно, а нормального питья. Ладейщики же от простого пива ржавеют внутри и скучнеют. А как кружку крепкого хлебного употребят — тут и выплескиваются подвиги и приключения в огромном количестве. Ведь знал же головой — все чушь, жизнь гораздо хуже и неприятнее, — а тут развесил уши.

Ну как же, практически свой. Вместе идем, и он на равных с опытными ушкуйниками. Дорога достаточно опасная, гридни с князьями здесь не водятся, а и встретятся — так недолго им обчистить проезжего человека. Жаловаться некуда и неко-

му. За водопадами люди вольные и закона не чтут. Точнее, уважают очень избирательно и по мере сил. Еще, помимо всяких разных, в лесах немирные сеземцы попадают. Вот и ходят сторожко, становясь на якорь посреди реки и держа одного человека на страже до утра.

Тебе, Данила, и урок, как считать себя одним из них, чтоб им всем в горле кровь колом встала. Черт, черт, напряженно прислушиваясь к голосам, доносящимся с ладьи, думал он. В ночной тишине по воде звуки разносились достаточно далеко, но ничего толком не разобрать. Ругаются по-черному. Кажется, Акинф кончается. Туда ему, гаду, и дорога. Жаль, клыков на память не возьмешь. Все же первый мой покойник. Надо обязательно к батюшке зайти и попросить отпущения грехов, как к людям попаду. Почему же слухов никогда не было?

А может, потому что не от всех избавлялся хитрый Кочкарь? Кого и честно довозил, и тот весточку присылал со временем. А кто исчезал бесследно — так вроде и не его вина. Все равно странно. Раб из словен сразу в глаза бросаться станет. Можно, конечно, язык отрезать, с содроганием догадался, но, если не в шахту, рано или поздно у людей могут появиться вопросы. Тем более что я и писать умею, а пальцы отрубать совсем уж ни в какие ворота. Работать тогда чем? Непонятно... Совсем непонятно...

Изгоям такой тоже не особо нужен. Он же не мастер какой великий, чтобы держать на привязи, пусть кое-что и может. А обычного парня покупать за золото — так лес велик, убежать недолго. Проще предложить в род войти. Не то... Совсем не то. Шахты серебряные остались на западе. Да и железо со свинцом и серой тоже в горах добывают. А возле Нового Смоленска про них никто не слышал. Золото? Так там монастырь всех давно подмял и трудяг хватает без сомнительного раба.

Черт! А кто вообще сказал, что мы туда идем? Кочкарь. Ну-ну. Ведь чуял, нам южнее надо, а он все заливал про извилистое русло.

Ну да, на Дону вырос, и не удивить, что на одном участке своего течения он тянется в два-три раза больше, чем идти по прямой. Конечно, странно, что последние пять или шесть дней река стала абсолютно безлюдной. Это если в день по течению нормально пятьдесят-шестьдесят верст, так жуть куда

отмахали от обжитой местности. Мелькали бесконечные повороты, лесистые холмы, менялось все кругом постоянно, и ежеминутно ждешь новых чудес. Впереди заманчивые дали...

Почему он должен был сомневаться в словах опытного человека, тем более что и остальные ничуть не изумлены? Им и раньше попадались лишь жалкие маленькие хутора и еще более убогие бревенчатые хижинки. Земли пока хватало и за водопадами, и сюда, кроме охотников да изгоев с еретиками, мало кто уходил. Берега, вопреки отцовским ожиданиям, заселялись спокойно и неторопливо. Единственным местом, имеющим право называться городом в ближней округе, оставался Новый Смоленск.

Прошло добрых семьдесят лет с выхода за прежнюю границу княжеств, но на берегах Дона по-прежнему отсутствует сколь-нибудь многочисленное словенское население. Земли и без того хватает в прежнем Беловодье — в Долине, Приморье и на юге, чтобы уходить сильно далеко вглубь лесов. Единственная серьезная попытка захолопить мужиков, предпринятая Олегом Проклятым, закончилась немалой кровью и обезлюдением приморского края с массовым бегством крестьян за хребет, в долины. Пришлось собирать княжеский съезд и отменять новые постановления, прикрепляющие к земле. Иначе могло оказаться, что некем править и отсутствуют работники.

Люди уходили в межгорье, и никакие меры, даже самые страшные, не помогали. Скорее, вызывали озлобление и массовое сопротивление, в результате которого многие княжеские роды пострадали. Будь на востоке некий опасный враг, может, что и вышло бы, но немногочисленные самоедские племена вытеснялись без особых усилий. Да они по большей части и не имели ничего против пришельцев. Лес огромен, места хватает, словены принесли много полезного, начиная с хлеба, лошадей и коров и заканчивая железом с водкой.

Впрочем, и у местных пришельцы позаимствовали множество сельскохозяйственных растений и всюю употребляли их в пищу. Хотя самоеды полей не держали, всего лишь маленькие огороды, и то в основном опять приморские и горские племена. В лесу проще жить охотой, но очень быстро сеземцы оценили рожь, соль, ткань и тем более железные инструменты.

В общем, не удивило отсутствие людей по дороге и не насторожила длительность путешествия. И только то самое пре-

словутое, не существующее у нормальных людей чувство во- время подняло. Иначе наверняка бы закончилась его жизнь не лучшим образом. Данила вздохнул и уселся рядом с деревом, продолжая смотреть за ладьей и уплывая в воспоминания. Тогда тоже началось с внезапного пробуждения.

Страха не было, но он твердо знал: надо срочно уносить ноги. Даже о причине в курсе. Угроза надвигалась со стороны реки, и это почти наверняка Олекса. Как в скоморошьей байке, муж вернулся раньше времени. Только вряд ли это выйдет смешно, когда разъяренный хозяин баркаса примется гоняться за ним с топором. Разве соседям тема для пересудов и смешочков. А ведь погонится обязательно и, положив руку на сердце, будет в своем праве. Значит, самое умное — не давать повода.

Данила соскочил на пол и принялся торопливо натягивать разбросанные одежды. Мария подняла разломаченную голову с подушки и сладко улыбнулась, будто не замечая своего абсолютно голого тела. Зато он с трудом отвел глаза. И вроде бы после сегодняшней ночи ничем женщина его удивить не могла, все эти приятные на ощупь и вкус богатства он обследовал досконально, но так явственно от простого движения вновь прозвучал призыв, что кровь бросилась в голову. Да и не в одну.

— Ты это куда? — спросила женщина хриплым со сна голо- сом.

— Домой, пока не хватились. — Рассказывать о предчувст- вии очень не хотелось — наверняка смеяться станет. Олексе еще дня два болтаться по воде, не меньше.

— Фроська, что ли, заметит?

— Ты мать не трогай! — сразу зверея от откровенного наме- ка, возмутился Данила.

— Да я ниче, — лениво сказала Мария, садясь на кровати и потягиваясь, так что груди торчком встали, и нахально устави- лись на парня, мешая нормально дышать. — Но кто же крышу починит?

Вот с этого все и началось. С абсолютно невинной просьбы подсобить. Сначала дверь в хлеву поправить, потом печь про- верить, чего дымит, а там и до крыши недалеко.

До него с огромным запозданием дошло, что все это было не просто так. И попадаться на дороге Мария ему стала по-

следнее время постоянно, заговаривать с шуточками и откровенными намеками. А уж вчера вечером только что прямо на шею не вешалась. Уж как вилась рядом — то бедром, то рукой будто невзначай коснется. Ну, он в конце концов не железный, не выдержал. И очень глупо о том жалеть. Мария баба красивая и нестарая. Как в церковь идет принаряженная — на нее многие поглядывают. Мужики облизываются, бабы хмурятся.

А с Олексой ей не повезло. Вечно хмурый, пьет, бьет и хозяйство на жену свалил, а сам то на рыбалку, то на охоту. Лишь бы дома не сидеть. Чего ему с такой женщиной не хватает, уму непостижимо. Сладкая как мед и так и плавится под руками, горя желанием.

Не настолько Данила соскочил с ума, чтобы не понимать, насколько повезло с первой женщиной. С девками в кусты шляться — в момент обженят, да и все здешние наперечет. Такого счастья ему не надо. А здесь само в руки пришло, и многое узнал. Блаженство она дарила с охоткой, и он не прочь продолжать хоть каждый вечер, пусть и трижды грех с замужней бабой баловаться.

— Обязательно закончу, — твердо пообещал. — И сверху, и снизу, — она хихикнула, — и сзади. Все, что твоей душеньке угодно. Только делу время — потехе час. Соседям на глаза с утра попадаться не след.

— Ты обещал, — поманив к себе, сказала и впилась в губы поцелуем, когда Данила приблизился.

Он отстранился с трудом, почти оттолкнув горячее женское тело. Время стремительно уходило, и пора было драпать со всех ног. Никогда раньше так четко предчувствие не проявлялось.

— Только позови, — сказал уже от двери, подхватывая ящик с инструментами.

Выскользнул наружу в темноту, слабо подсвеченную звездами, и прислушался. Сейчас выйти через ворота — прямо напороться на хозяина. Если, конечно, тот идет домой. Проверять и нарываться не тянуло. Лучше уж через забор. Сам жердины сегодня устанавливал, сам и выбьет.

Как по заказу, через самый краткий срок уверенные шаги босых ног. Совсем иначе звучит, чем в обувке. Взрослые обычно не гуляют так. Это детишки бегают до самых холодов на лы-

сую ногу, а мужикам несолидно. Или когда даже на обычные сапоги не хватает.

Нырнул за угол и замер под окном. Слава богу, собаки не держат, а то бы разбрехалась. Вот их Зубастик моментально нашел бы чужака и поднял шум. Двор пес считал своей личной собственностью и, когда были постояльцы, страшно злился.

Ну так и есть, стук калитки. Пришел. Шаги по крыльцу.

— Вернулся? — спросила Мария томно.

Звуки из полуоткрытого окна доносились хорошо. Черт, они даже нормально не закрылись, прежде чем свалились в постель.

— Ага, — бодро ответил Олекса.

Видеть Данила ничего не мог, но очень ясно представил, как она замерла от неожиданности. Муж принялся что-то рассказывать о неудачном улове. Огромный сом порвал сеть и уволок с собой. Чем-то он при этом гремел, шумел. То ли бросал на пол какие-то предметы, то ли еще какой-то ерундой занимался. Главное, ничего не почуял, и можно сваливать.

Тут он замер, пораженный. Впервые дошло: а как он узнал про возвращение Олексы? Никогда ничего подобного с ним раньше не происходило. Даже когда отец умер, спокойно купался с ребятами и радовался, что удрал от нудных уроков ба-тюшки. Ничего не стукнуло.

И ведь не ошибся! Ладно — это можно и позже обдумать. А пока тихонько домой.

Зубастик ожидаемо обнаружил его сразу, не позволив дойти до порога. Умчался и приволок задавленную крысу: похвастаться. Пес уже в возрасте и не особо красив, низкие лапы, длинное туловище, но охотник непревзойденный и передал свои замечательные качества множеству щенков. У женской половины собачьего общества пользовался немалым уважением, регулярно побеждая в драках даже более крупных псов. Но важнее всего для него была охота. И если не в лесу, так в личном хозяйстве. Домашнюю живность давить запрещено, и это он усвоил давно. Потому ловил постоянно крыс и притаскивал на глаза хозяевам, требуя одобрения. Пришлось наклониться и почесать между ушами, выражая довольство и уважение.

Под кронами огромных орехов стоял тесаный пятистенок с крытой галереей и примыкающей необъятной кухней. Двор

был обнесен частоколом, за которым торчала крыша коптильни. С улицы незаметны хозяйственные постройки — ведь изначально их жилище задумывалось как приют для странников, но уже не первый год еле сводили концы с концами. Не зря он был по первой просьбе готов помочь соседу. Денег за такое не давали, однако в их поселке никто не гнушался брать продуктами, дровами или еще какими вещами за услуги.

— Мальчик вырос, — сказал женский голос с отчетливой насмешкой, стоило переступить порог родного дома.

Темное лицо их старой рабыни, всю жизнь прожившей с семьей и каждого из детей кормившей, поившей и воспитывавшей, иногда достаточно тяжелой рукой, без освещения почти незаметно. Одни белки глаз выделяются. Чужому долго и испугаться, впервые такое обнаружив. Парень не удивился. Старуха частенько не ложилась спать, дожидаясь его возвращения. Правда, обычно так поздно он не гулял, не предупредив.

— Это ты о чем, Хиония? — спросил Данила с деланой наивностью.

— Вот так всем и отвечай, — хмыкнула она, зажигая свечку. — Раз уж вместо головы принялся думать тем предметом, что между ног незнамо зачем болтается. Иначе огребешь большие неприятности, и достаточно скоро.

— И почему тебя в крещении не назвали Всевидой? — удивился, садясь за стол и цапая кусок хлеба, оставленный ему вместе с накрытой холстиной тарелкой каши, сдобренной маслом и какими-то травками. Готовила она бесподобно. Ах, какие блюда выходили из-под ее рук! Роскошные гречневые, горячие лепешки с сиропом, пироги с персиками, запеченная дикая индейка, кролик под соусом, горячие сухарики только что из печки и многое другое. Да и вообще кухня и дети были с давних пор ее вотчиной, и она никого сюда не допускала.

— Если бы... У нас в роду шаманов не было.

— А ты помнишь? — заинтересовался Данила. — Ведь говорила, девочкой была, когда в плен попала.

— Десять лет — не так уж мало. Кой-чего не забыла. Имя у меня отнять нельзя — Зэра. И память тоже. Все вот тут, — постучала она себя по лбу, — сохранилось: из какого рода происхожу и как мои родители, братья и сестры под клинками умирали.

— Ты, наверное, ненавидишь словен, — сказал Данила пораженно.

— Глупости, — сказала Хиония. — Как я могу не любить свою молочную дочь, я ведь выкормила Ефросинью Никитичну.

Имя матери прозвучало подчеркнуто уважительно.

— Вы — моя семья. Ты, Богдан и ваша мать. А всех прочих я не то что любить — уважать не обязана. Ешь и спать иди.

Она поднялась и со всем возможным достоинством — спина прямая, будто смерена отвесом каменщика, — удалилась. Данила знал, чего ей это стоило. Ноги болят уже давно: когда никто не видит, держится рукой за стену при ходьбе. Потому он и взял на себя кучу домашних забот без напоминаний, освободив старуху от огорода, дойки коров и кормления прочей скотины. Хионию он любил. Наверное, больше, чем собственную мать.

Их холопка возилась с ним сколько помнит, и даже раньше, когда он был младенцем. Всегда была рядом и готова помочь, подсказать и дать совет. Чем старше он становился, тем лучше сознавал, насколько им повезло. Она правдива, честна до безобразия в разговорах и делах. Еще и рассказывала много такое, за что мать ее вечно бранила за закрытыми дверями.

Ефросинья Никитична происходила из обеспеченной купеческой семьи. За ней в приданое когда-то дали одиннадцать домашних холопов. Правда, это все по рассказам. Сейчас кроме Хионии осталось лишь двое, отданные в аренду местному кузнецу Титу. Только благодаря им семья еще могла более или менее нормально существовать. В их поселке все достаточно четко подразделялись на несколько категорий. Были люди из «хороших» семей, более простые и совсем отребье. Рабы-холопы и сеземцы в счет не шли. Первые были собственностью, а вторые стояли вне рангов и часто за людей не считались. По крайней мере, некрещеные.

Естественно, все с детства прекрасно знали, кто к какой группе относится. Особо не важничали, но и не позволяли забыть нижестоящим о разнице в положении. Поэтому когда погиб отец, а мать растерялась без крепкого плеча и сначала не смогла удержать хозяйство на плаву, тем более что и Дон основательно подгадил, изменив течение и отодвинувшись от их пристани на добрую версту, так что путешественникам стало

неудобно ночевать или столоваться у них, многие в душе зло-радствовали. Потом мать стала пить, и все вообще покатилося под откос. Ей не было дела ни до чего, и приходилось самостоятельно тянуть воз проблем.

Данила доскреб остатки каши, подумал и пошел в сторону комнаты матери. Заглянул в дверь и мысленно поморщился. Опять валяется не раздевшись и даже со сна пышет перегаром. На полу лежала трубка. Табак курили многие, но женщины старались в своем кругу или в одиночестве. Только пожилые могли себе позволить курить открыто. Считалось, курение помогает от болей в суставах. По его мнению, скорее заставляло страшно кашлять и плохо влияло на дыхание. Чуть ли не единственная вещь, в которой он сходилась в неодобрении с церковью.

Подобрал трубку, собираясь положить ее на столик, и тут его пробило вновь. Он внезапно почувствовал себя в шкуре собственной матери. Это накатило и ушло, оставив после себя какие-то обрывки и куски. Но теперь он смотрел на мать совсем другими глазами. Он помнил, какой она была когда-то, в молодости. Мягкой, отзывчивой, веселой, обожающей танцы. Не раз кидалась на защиту несправедливо обиженных, и все равно кто эти люди, даже чужие рабы.

Не побоялась встать на пути всем известного пьяницы, готового убить любого с залитых глаз, когда тот гнался за дочерью с плетью, собираясь избить. И ведь фактически пошла против воли родителей, выйдя замуж за пусть и не бедняка полного, но не желающего жить привычной жизнью и уехавшего в тайгу. И пошла за ним, потому что любила, а вовсе не по обязанности.

Шестерых детей родила, и четверо умерли. Это рвало сердце бедной женщины, и тем важнее для нее были оставшиеся. Не зря она надоедала с учебой и заставляла выучивать массу, как ему казалось, ненужных вещей. В этом был для матери огромный смысл. Она пыталась дать им достойное образование и облегчить будущую жизнь.

Да, у нее имелась слабость, она любила поговорить о своих достигших многого предках и мечтала лишь о том, чтобы ее сыновья пошли по их стопам, а не остались ковыряться в земле. Но она была в достаточной степени добродушной, чтобы не ругать за проделки и шалости, и любила хорошие шутки.

Даже в детстве Данилу пороли крайне редко, и за действительно серьезные провинности.

Он осторожно сел рядом с матерью и положил руку ей на лоб, ощущая, насколько тот горяч. Посидел так несколько минут и, ощущая неловкость, захотел убрать ладонь. Очень давно в последний раз пытался приласкаться. Сначала ей было не до него, затем он вечно занят и не особо рвался обниматься с вечно пьяной.

— Нет, — сказала она неожиданно ясным голосом и прижала его ладонь своей. — Подержи, пожалуйста, еще, сынок. Так хорошо... Прости меня, — сказала после долгой паузы.

— За что?

— За то что я забыла о тебе. И обо всех вас. Мне было тяжело: потеряв мужа, я попыталась сбежать в грезы. Спасибо за сделанное тобой и за напоминание — жизнь еще не закончилась...

Глава 2 ДАЛЬНИЕ ПЛАНЫ

Рассвет вышел изумительным. Первые лучи солнца окрасили реку в кровавый цвет. По воде бежала рябь от легкого ветерка, а на противоположном берегу темнела мрачная громада леса. Остается лишь нарисовать огромную картину, не забыв легких перистых облачков на небе, и, вставив в красивую раму, повесить в комнате, как это было у тысяцкого в избе. И даже чернеющий на якоре кораблик, создающий неприятное чувство, очень уместен для оживляжа этого... как его... пейзажа.

Красоты природы — вещь, безусловно, хорошая, но он так и не смог понять, в чем смысл рисовать их красками. Может, в больших городах или горах приятно смотреть на такие поделки, а правильной человека изображать как есть. Люди хотя бы платят за свой образ на холсте, а то вся эта мазня — пустое дело, выходят сплошные траты. Впрочем, сейчас его гораздо больше занимало поведение людей с ладьи. Они поставили парус и двинулись дальше вниз по течению.

Этого Данила не понял. Получается, плевать на беглеца? По размышлении вышло два варианта. Либо играют для на-

блюдателя, то есть для него, а сами отплывут ниже и, когда он спокойно разложит костер, выйдут на дым без особых проблем. Либо, что гораздо хуже, не особо опасаются его рассказов о происшедшем. Надо еще добраться до людей, а в лесу может случиться все что угодно, включая дикарей неприветливых. А потом слово против слова — и все трое (если выживет Акинф, то и четверо) дружно заявят на любом суде, что он напился и напал без всякой причины. Неизвестно еще, кому скорее поверят — молодому незнакомому парню или хорошо известному солидному купчине. Как бы с головой на расправу не выдали.

И что теперь делать? Но что, собственно, возможно, кроме как выходить к людям! А вот на месте надо хорошо думать, кому и что говоришь. Незачем загадывать. Так... Что я имею? Практически ничего. Полный и окончательный нуль для начала, как говорил отец. Только рубаха со штанами, несколько мелких монет в потайном кармашке пояса, полученных в дорогу, и нож. К счастью, совершенно не помня в какой момент, успел сунуть в ножны и не потерял немалую ценность по теперешним обстоятельствам. Хорош бы он был без малейшего подспорья. Даже сапоги остались на борту вместе с остальными вещами.

Жальче всего любовно собираемых, покупаемых и изготовленных инструментов на все случаи жизни. В ящике с собственноручно прилаженной ручкой, в разных отделениях хранилось множество полезных вещей. От топора и пилок до резцов для работы по дереву, металлу и мелких приспособлений механика. Напильники и отвертки, клещи, кусачки, щипчики, молоточки, сверла. Даже собственноручно изготовленная наждачная бумага из посыпанной черными опилками парусины, смазанной крепким рыбьим клеем. Все это добро могло стоить немалую сумму у знатока.

В общем, в чем бы ни была причина ухода ушкуя, надо убираться подальше. Но босым по лесу не очень пошляешься. Крайне удачно наличие ножа. Значит, можно сплести лапти. Мало кто ходит в них, разве последнее отребье, но общие представления о процессе имеются. Приходилось плести корзинки, короба. Присмотрев ближайшую подходящую липу, принялся снимать лыко полосами, прикидывая необходимое количество.

Конечно, правильно размочить, тогда гибкость улучшает-ся. Материал не ломается и легко гнется в нужную сторону. К сожалению, лучше долго не задерживаться здесь. Береженого Бог бережет. Потому пока сойдет чисто подошва. Чтобы держалась, отрезал от рубахи широкие рукава, употребив их на олучи, благо не шелковая, обычный лен. Прикрепил все это скороспелое изделие лыковым шнурком и поднялся, пару раз притопнув.

Нормально. Не сваливается. Пару дней продержится, прежде чем развалиться. Позже надо озаботиться нормальными лаптями, но в данный момент желательно оказаться подалеже отсюда. Идти вдоль реки удобнее и точно не собьешься с направления, но сейчас опасно. Очень не хочется выйти прямо на засаду, если где-то ниже делает петлю, — тогда они просто подождут его на излучине: сам придет в «ласковые» объятия. Идти напрямик — безусловно, риск, но тут уж придется выбирать между плохим и опасным. Или это все ерунда и на него махнули рукой? Ой не верится.

Куда идти? Назад по реке — глупо. Где-то там еще и часть команды поджидает. Могли знать о сомнительных планах приятелей и выйти на ушкуйников, отдаться в недобрые руки. Вперед — неизвестно где город. Если ушли в сторону по притоку, все равно людей проще искать по прежнему маршруту. Солнце вставало там, восток известен. Прямая дорога на запад ждет. Рано или поздно упрутся в горы и встретит людей. Хотя правильной двигаться на юго-запад. Подозрение в сильном заходе на север оформилось достаточно прочно. И поскольку он все равно не в курсе прежнего маршрута, можно особо не волноваться раньше времени, определяя обратный путь чуть левее на лапоть от солнца. Главное — на запад.

Леса Данила не боялся: не тот месяц. Зимой без одежды и оружия — верная смерть. Сейчас травень¹, и надо быть убогим, чтобы не найти пропитания. Тайга начиналась прямо за их поселком. Многие больше проводили в ней времени, чем на поле. Охота считалась правильным и уважаемым занятием для мужчины. Отец ходил постоянно и его с собой брал. До дикарей, живущих одними дарами чащи и не подозревающих о ржи с пшеницей, ему, конечно, далеко, но шансов выжить уж точно побольше, чем в драке с кормщиком и его подручными.

---

¹ Май.

Без ножа пришлось бы плохо, а так впереди нелегкая, однако проходимая дорога.

Когда солнце уже слегка перевалило за высшую точку, намекая, что время идет к обеду, он обнаружил на дереве тетеревов. Случайный ежик, на свое несчастье попавшийся, которого собирался запечь в глине, уже не показался при виде птиц таким уж аппетитным. Стараясь не делать резких движений, Данила обломал молоденькую иву, проверил гибкость и хищно ухмыльнулся. На петлю, привязанную к концу палки, пустил очередной кусок рубашки. Она стремительно уменьшалась в размерах, но это не самое худшее, что с ним случилось.

Тихонько подкрался к дереву и очень осторожно, буквально замирая на каждом движении, поднес ловчий шест к ближайшему тетереву. Попытался затянуть, но получилось плохо. Птица, выразив возмущение, передвинулась на ветке, оправдав давнее мнение о наибольшей тупости их породы в сравнении с остальными летунами. Со второго раза нападение вышло более удачным. Скользящая петля затянулась, и он стащил глупую курицу на землю, одним резким ударом избавив ту от страданий. Вот теперь тетерева нечто странное заподозрили и, заполошно кудахта, взлетели, удаляясь от подозрительного двуногого. Видимо, перестарался с хлестким действием или кровь почували.

Уже голодным не останусь, решил Данила, с сожалением глядя вслед спугнутой добыче. Настоящий охотник взял бы не меньше парочки. Только ему и не требовалось подходить близко, возразил сам себе. Дробью или стрелой снял бы с расстояния. Пока что пора сделать привал, а лучше ночевку, и хорошенько поесть. Но для этого требуется добыть огонь. Каждый приличный человек, уходя надолго из дома, берет с собой кресало и огниво. Его собственные уплыли с остальным добром в неизвестном направлении навсегда. И хоть никогда раньше не приходилось этим заниматься, пришло время воспользоваться самоедским способом.

На словах все просто: вращаешь сосновую палочку в сухом чурбаке с большой скоростью. Руками это неудобно, потому используют лук. Крайне важно при этом оставлять желоб для поступления воздуха. Раз-два — и готово. На деле он все время посвятил поиску подходящих инструментов. Если вращательную палку размером со стрелу не так сложно обнаружить и

прямо на ходу обстругать кончик, то чурбачок должен быть твердым, одновременно сухим, то есть от уже умершего дерева. Причем гнилые остатки не подходят. Не так легко найти подходящее. Потом еще правильно выдолбить отверстие и тщательно срезать заусенцы.

Нормальное деревце под лук проще всего отыскать. Даже березка подойдет. Это ведь пока заготовка — грубая, без отделки, но упругая и подходящая для нужной цели. А вот тетива — совсем другое дело. Ничего более подходящего, чем шнурки рубашки, стягивающие ворот, под рукой не имеется. Волосы слишком короткие и не подойдут, а сухожилие, обычно используемое для этой цели, надо еще добыть, что совсем непросто без оружия.

Ну, за неимением нужного, придется воспользоваться заменителем и радоваться, что хотя бы нож при себе. Искать подходящий камень для резки и рубки деревьев — занятие не из самых приятных. Особенно на голодный желудок. Да и возиться достаточно долго, изображая топор.

Чуть ли не впервые в жизни искренне помолился, прося Господа помочь. Правду говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Вставил острие сверла в дырку, положив расщепленную на мелкие кусочки кору. Мысленно перекрестившись, стал двигать лук перпендикулярно сверлу вперед-назад, заставляя его вращаться.

Не так это легко, как кажется. Сначала пошел дымок, быстро выдернул свой инструмент, давая дополнительный воздух, и принялся подсовывать мелкие сухие щепки. Затем в ход пошла уже целая ветка, и он принялся счастливо приплясывать у разгоревшегося костра. Руки болят — ерунда. Когда мальчишкой впервые трех коров подряд доил, тоже сводило, и даже за ночь не прошли. Потом привык.

Первый этап успешно пройден. Еда имеется, огонь тоже, трут он сделает. Голодуха не грозит. Теперь поесть, заняться доведением лука до ума — и спать. Дорога впереди неблизкая, и надо бы найти еще подходящие заготовки для стрел. Не такое уж простое дело, как кажется. Абсолютно прямые ветки в природе попадаются совсем нечасто. Перья для стрел у тетерева взять, наконечники хотя бы обжечь на огне. Копье? Сомнительная необходимость, и насаживать самую большую драгоценность — нож — в качестве острия крайне не хочется. Ва-

дишь какому оленю, а он убежит с ним. Лучше подходящую дубину найти. А по ходу смотреть под ноги внимательно. Может, найдутся кремь или обсидиан. Хотя последний вроде бы только в горах обнаруживали.

— Неужели сделал? — преувеличенно восхищенно вскричал Иван Вышатич.

— Ага, — односложно подтвердил Данила, осторожно разворачивая холстину и извлекая оттуда увесистые часы. Теперь их требовалось повесить на прежнее, сиротливо пустовавшее место.

Он прекрасно знал: тысяцкий, при всем хорошем отношении к нему, доверил посмотреть наиболее ценную и вызывающую неподдельную зависть знакомых и соседей вещь исключительно от безысходности. Исправить поломку никто в округе не мог. Единственный часовщик жил за пару сотен верст, если не дальше, и прославился в основном запоями со скандалами. Да и тому пришлось бы заплатить порядочную сумму серебром. Данила обойдется гораздо дешевле и без монет. Лошадей для вспашки, пару холопов на посевную и уборочную да ткани с кое-какой мелочью из собственного магазина — то есть практически задешево.

Данила сам взялся, и не столько из желания подработать, пусть это и имело достаточно весомый смысл, а хотелось потрогать руками и разобраться в механизме. Кто бы ему позволил ковыряться в исправных часах! А так — вроде и терять особо нечего. Не он — так никто. А вещь дорогая и, как выражается мать, статусная. Любой посетитель при виде ходиков впадает в изумление.

Самое главное, они особо и ни к чему. Время считают до сих пор от восхода солнца — получается, количество часов постоянно изменяется. Летом их больше, зимой меньше. Никого не удивляет, с детства знают как надо, а прибыть ровно к такой-то минуте и в голову не стукнет. Механический отсчет важен для церкви с определением праздников и надуванием щек, остальные и так замечательно обходятся привычным образом.

— И что там было? — в очередной раз изучая хорошо знакомого умельца, спросил Вышатич.

Ничего особенного с виду. На улице таких пяток на пучок. Простоватый на вид, с натруженными руками и достаточно крепкий, но не богатырь. А мозги работают — как ни у кого в округе. Все-таки передается нечто через род, не зря говорят про хорошую кровь.

— Шестеренка треснула, — пояснил Данила. — Пришлось выточить специально и подгонять, — сказано не без намека. Дополнительный труд и наградить не мешает. Корову сверх обычного выдавить из скарёдного хозяина вряд ли удастся, но существуют и иные любопытные варианты. — Не так просто было найти подходящий материал.

Он долго возился, чистя бесчисленное количество зубчатых колес, осей и шестеренок. Важно было понять причину отказа работать, а не лезть в тонкий механизм с ходу ногами. Очень тонкая миниатюрная техника и ценность прибора, иногда даже самая годность его, зависела от точности и аккуратности выполнения. Разобрать любую вещь — невелика сложность. Собрать ее из отдельных деталей — иногда настоящее искусство.

Перевел стрелки, специально соединяя их на двенадцати (правильно поставить можно и потом) и с гордостью услышал раздавшуюся музыку. Все семейство Ивана Вышатича, включая парочку дворовых девок и стряпуху, застыло вокруг с разинутыми ртами и восторгом в глазах. Это по-настоящему приятно и сбивало спесь с лучшего рода в городе. Тысяцкий — власть, но мастер здесь Данила, и другие ему в подметки не годятся.

Мастерская ему досталась от отца, и первые шаги по обращению со всевозможными инструментами он прошел под его руководством. Сначала то были несколько простеньких слесарных инструментов, затем появились маленький верстак и тиски. Он в основном помогал, участвуя в починке всякой корабельной снасти, получая попутно уроки с объяснениями, что есть «матка»¹ и как она работает, а также о звездах, помогающих путешественнику ориентироваться. Да много всякого он узнал как бы между прочим, в ходе почти игры, создавая под руководством отца маленькие модели механизмов и игрушки.

---

¹ Компас.

А потом вдруг все внезапно рухнуло. Обычный порез — и стремительная смерть от горячки, заставившая подставить спину под тяжесть всего хозяйства еще в самом юном возрасте. В этой обстановке работа в мастерской по заказу или для собственного удовольствия дарила отдых и несомненную пользу. Не только выучился хорошо владеть топором, пилой и рубанком, но освоился с циркулем и линейкой, умел составить чертеж и знал, что называется масштабом и зачем тот потребен.

— У Данилы истинно золотые руки, — сказала жена тысяцкого. — Такую работу сотворил! Настоящий строитель.

Она вовсе не имела в виду каменщика, складывающего соборы или крепость. «Строитель» в понимании местных (мать смеялась и говорила с превосходством бывшей жительницы Китеж-града: необразованные люди) означал мастера ремесленника, способного не просто повторять чужие изделия, но и улучшать, а также изготавливать новые, никому прежде не ведомые и полезные вещи. Впрочем, такой мог бы и дом построить без особых проблем. Звали же Данилу печь сложить, хотя он и молод.

— Да, да, — радостно поддержала ее дочка, — у отца Федора до сих пор нервный тик случается при известии о новых постройках нашего лихого мастера.

Вся остальная компания дружно залилась смехом. И ведь ничего ужасного не случилось. Просто поставил на огороде чучело, которое при легком ветерке начинало крутиться и размахивать руками, распугивая пернатых. Кто же знал, что бабка Татьяна как раз мимо пройдет и перепугается не хуже ворон.

Мало того, побежала в церковь жаловаться на нечистую силу, и целый отряд святош заявился с крестами и святой водой. Хорошо отец Федор все же не совсем пенек и колдовства в том явлении, внимательно изучив пугало, не усмотрел. Даже не стал налагать епитимью или требовать порки. Выслушал пояснения и удалился, попеняв на плохую посещаемость церкви. А многие бабки до сих пор стараются мимо не ходить, подзревая невесть в чем.

— К ручному труду, слесарному и столярному делу у Данилы несомненные способности, — твердо отрезал Вышатич. — Он может далеко пойти, коли дурью маяться не станет.

— Это ты о чем, батюшка? — заинтересованно спросила дочка, наивно хлопая глазками.

— А чтобы не запил, как средь мужиков водится. Настоящего дела здесь нет, вот и заскучает, — вмешалась жена хозяйна.

У Данилы осталось стойкое впечатление, что речь шла вовсе не о том. Как бы не на Марию намекал тысяцкий. Ну да, шастает он к той, когда муж в отлучке, и ничуть не жалеет. Но ведь стерегся всерьез. Неужто видели ночью? Это кто же такой глазастый и зачем докладывать моментально побёг?

— Все, — сказал хозяин, — нечего торчать столбами, посмотритесь еще на часы. А ты, — это уже парню, делая призывный жест, — идем со мной. Есть у меня кое-что для тебя, Никифор привез. — То есть приказчик в магазине и одновременно зять через старшую дочку, регулярно мотавшийся за товаром в западные земли.

На столе в отдельной комнате, где тысяцкий обычно занимался делами, лежал небольшой в отпечатанный в типографии томик заметно потрепанного вида с надписью на обложке «Межевание».

— Можно? — спросил с замиранием сердца Данила.

Книги были редкостью и немалой ценностью. Они делились на два вида — рукописные (в основном старинные, на пергаменте, соответствующе и стоящие огромных сумм) и печатные. Которые в свою очередь подразделялись на три категории.

Первая — имеющие отношение к божественному. Библия, Евангелия, Книги Исхода, Псалтырь, Часовник, Часослов, Шестоднев, Большой Катехизис, Стоглавый Собор, Жития святых, молитвенник и многое другое. Они даже оформлялись сходным образом с рукописными. Печатаемая книга, старались подражать древним образцам не только в украшении, но и манере письма.

Основной текст писался «полууставом» черными чернилами. Заглавия исписывались киноварью (красными чернилами). В названиях нередко использовалась «вязь», а в заключительной части текста помещалась орнаментная концовка. Произведения украшали инициалы, буквицы и миниатюры.

Вторая — это образовательные и познавательные. Буквари, брошюры, обучающие науке — арифметике, грамматике, ис-

тории. Для желающих совершенствоваться и любознательных — руководства и справочники по медицине, всевозможные травники с рецептами лекарственных настоек и рисунками нужных растений. А также по сельскому хозяйству, животноводству, механике, физике, химии, геологии, астрономии, домоводству, охоте, оружию и огненному бою.

Несть числа всяким вариантам и наукам. Если, к примеру, об охоте, так попутно о поведении и видах разных зверей, ловушках, капканах, воспитании собак, лошадей, ловчих птиц и правильных традициях. И все это может быть в одном или нескольких томах, украшенных рисунками, или один текст, в красивых обложках или обычной коже.

Третья — книги для индивидуального чтения (религиозные, в том числе нравоучительные, благочестивые) и светские (беллетристические и исторические). При этом и бумага была разных сортов и качества, что повышало стоимость произведения иногда очень значительно.

Объединяло их одно — все они издавались с разрешения Патриархии на ее печатном дворе и стоили немало. Фактически немногие могли себе позволить иметь личный экземпляр даже духовных. Ничего удивительного, что даже Вышатич, считавшийся по праву у них первым богачом, раскошелится не на новый томик, а на подержанный. Такой стоит заметно дешевле и тоже пользуется немалым спросом.

Дома у них имелось больше двух десятков самых разных, не считая церковных трудов: про механизмы, арифметика с геометрией, исторические труды, сочинения по экономике, географии и даже греческие мифы. Практически все он выучил местами наизусть, многократно перечитывая.

— Конечно, — разрешил хозяин. — Для того и звал.

Данила осторожно открыл и просмотрел список глав. Математика, топография, черчение и межевые законы. Геометрию с тригонометрией и рисованием чертежей освоил самостоятельно по отцовской книге. Самая ценная вещь в доме после древней книги Второго Исхода и Библии. Даже материнские бумажные сокровища, часть которых относилась к временам до Беловодья, по которым он учился, много давшие для состояния ума, не столь интересны. В отцовой имелись даже эти новые цифры вместо привычных буквенных обозначений. Гораздо удобнее и легче вычисления производить.

— Ну и как?

— Так быстро не разобрать в подробностях, — ответил честно, — но, похоже, ничего неизвестного мне не присутствует. Справился бы. Вот межевые законы не мешают переписать. «Русской правде» давно не соответствует, и такие вещи иногда полезны.

С недавних пор в Беловодье официально пользовались четверогранным поприщем, под которым подразумевалась квадратная площадь со стороной в 1000-саженную версту. Гораздо удобнее прежних четвертей, однако такое не все знают. Кое-кто до сих пор считает в «пругах», то есть мерах, с которых платили налог. А они в разных княжествах из-за почвы и дополнительных выпасов могли оказаться очень разными.

— Уверен, что справишься?

— Конечно. Только зачем это здесь? — спросил прямо, поднимая голову.

До сих пор вполне хватало в записях приблизительно такого: «...От холма с закругленной вершиной на юго-западе до реки, а оттуда по течению до границы участка Петра по прозвищу Бородавка...» Земли много, просто поднимать целину и вырубку дело тяжкое. Многие предпочитали перебираться на новый участок с истощением почвы. При выжигании несколько лет урожай высок, затем быстро падает.

— Я вам навскидку назову парочку книг гораздо полезнее в наших условиях. А это... Не помню, чтобы кто-то из-за участков всерьез ссорился. Лес большой, у реки лугов полно.

— В корень зришь, — одобрительно сказал тысяцкий. — Да не все слышал. Зимой в Тмутаракани княжеский съезд был. Постановили «каждый пусть держит землю свою через старшего в роду».

— И что? Не в первый раз с провозглашения отмены лестничного права наследования. Хотели прекратить бесконечное дробление отчин. Этому и в школе батюшка учил. Дату вот не упомяну, но после великой замятни и объединения межуральской Долины с Поморьем Константином. Потом все равно с его смертью дети передрались и развалили Великое княжество. Ссориться и воевать, считая себя равными, князьям несколько не мешает и целование креста.

— Теперь на съезде присутствовал и патриарх словенский.

— И что?

— Никогда не задумывался, кто правит на самом деле в Беловодье? Почему до сих пор сохранялось понятие большой отчины?

— Потому что она принадлежит всему правящему княжескому роду, происходящему от единого прародителя.

— Нет. Так говорят, но нет. Потому что все земли, включая занятые такими, как мы, выселенцами, относятся к ведению Церкви. Они тоже власть, в чем-то параллельная княжеской, в чем-то соединявшаяся с ней и дополнявшая. И я говорю не о духовной, а административно-судебной. Наш отец Федор какие дела вправе разбирать?

— Разводы, двоеженство, о нецерковных формах брака, — подумал и уверенно закончил Данила, — изнасилование, нарушение церковной собственности, в том числе и земельной.

— О! — внушительно сказал Вышатич, поднимая палец. — Собственность! Многие дарят Церкви имущество перед смертью и для отпущения грехов. Иные и землю отписывают.

Данила ждал, не нарушая молчания. Переспрашивать в очередной раз «и что?» не тянуло. К чему-то тысяцкий определенно ведет.

— Сегодня треть западных земель принадлежит Патриархии, и в отличие от князей, у Церкви единое руководство. Она одна обладает исключительным правом судить игуменов, монахов, попов, дьяконов и другие категории церковных людей. К ее ведению отнесена служба мер и весов, она участвует в законотворчестве. Но, что важнее, играет первую роль в межкняжеских отношениях и спорах. Она очень изменилась. Когда-то признавала своим главой великого киевского князя, после Исхода Тмутараканского. Там имели право вмешиваться в церковные дела и обладали правом участия в поставлении епископов. Теперь все иначе. Великий князь после замятни отсутствует. Передача столов по прежнему порядку отменена.

— Отец говорил, после войн с поморянами для словен нет внешних угроз, зато земли сколь угодно. Потому и центральная власть ослабла.

— Княжеская! А церковная растет. Конечно, существовали случаи непослушаний, а иногда и гонений на священнослужителей. Но это в последний раз было добрых сто лет назад. Сейчас без сотрудничества с высшими иерархами князя не могут обойтись. Иной раз большие монастыри вроде святых

Иллариона, Гермогена, Филарета или Мануила могут выставить оружных людей не меньше, чем Китеж, и уж точно больше Смоленска с Новгородом и Тверью. И спорить с монахами стало откровенно опасно. Вот на съезде они и продавили решение о полном межевании. Теперь каждый, считающий себя владельцем земли, обязан по постановлению съезда согласовать границы участков, определить координаты межевых знаков на местности, а не просто где камень стоял, и, определив площадь участка по полученным знакам, сохранить документ с подсчетами, именами владельцев и размерами выплачиваемых податей.

— И почему никто не замечает? — скептически спросил Данила.

— Это здесь, далеко от населенных мест, не видно. Нам есть позволение на участок семье две тыщи десятин или три, без разницы. Сколько поднял — твое. Все равно больше пятнадцати—двадцати десятин силами одной семьи не вспашешь. Правда... наверное, и там простые люди не замечают изменений. Они же не вдруг случились... Зато, бывая время от времени, невольно видишь разницу с прежним.

Он замолчал и, подумав, сам себя погладил по бороде знакомым жестом. Отец предупреждал: когда так делает, нечто недоговаривает, и надо быть особенно внимательным.

— Ладно, давай вернемся к нашим делам, — тряхнув головой, произнес тысяцкий. — Пока строились, некому было о нас беспокоиться и сажать новое начальство, благо и взять особо с нас и сеземцев нечего. Дороже обойдется держать здесь за княжеский счет тиунов, чем налоги. А вздумай драть серьезно ясак — так дикари сбегут куда подальше. Но мы худо-бедно обжились. Теперь иной расклад. Найдутся и на нашу шею князьки из захудалых, ныне их расплодилось до ужаса. Куча дармоедов, и все с огромным сомнением.

— Что будет с городской землей? — после краткого раздумья спросил Данила. Идея заполучить гонористого чужака на место хорошо знакомого, пусть и не ангела с крыльями, но выборного и достаточно справедливого Вышатича крайне не понравилась. Наложит лапу на все ценное и без правильных границ участков станет стравливать при любом раскладе. Тысяцкий не зря задержался.

— Ее, как и общинную тоже, надо замерить. Желательно по божескому сговору, не требуя особой платы.

— Ага. — Тут сложно не согласиться. На общее благо придется отработать. Но тогда и семейное имущество обмерять за ним.

— Затем составляются межевые книги в двух экземплярах. Один хранится в архиве Патриархии, второй — у местного главы власти. Без предоставления выписки запрещена купля-продажа, обмен, дарение и наследство.

И за это Вышатич, подумал Данила, а попутно поселок нечто получит. По закону. Далеко смотрит.

— На все межевание отводится три года. И уже не пройдет запись: начиная от основания оврага рядом с домом отсчитать триста двадцать шагов к северу и сто двадцать до ели, отмеченной в сказке...

Последовала многозначительная пауза. Это понятно. Расплывчато и рискованно при возникновении споров. Эта ель или другая, размер шагов.

— А теперь подумай, откуда столько межевщиков взять сразу? Да еще и чтоб умели эти цифры правильно записать и высчитать? Представляешь, сколь кривды произойдет и кто первый останется обиженным?

— Простые люди, у которых не хватит серебряков на расчет с межевщиком.

— Молодец. Только на самом деле златников. Сегодня корпорация землемеров требует полста золотых за год обучения. А скоро и выше задерут. А потом с нуждающихся в их умениях давить станут и втрое возьмут от прежних цен.

— Я возьмусь, — осознав, какое предложение ему сделано, и задыхнувшись от радужной перспективы, помедлив для солидности, сказал Данила. — Но при двух условиях.

— Да?

— Нужны образцы требуемых документов, включая саму межевую книгу, чтобы не придрались. Как писать, где расчет прикладывать и кто точно заверять работу станет.

— Не препятствие. Прежняя запись с разрешением на поселение еще со Смоленска имеется...

Предусмотрительный у нас тысяцкий, с уважением подумал Данила. Все в загашнике лежит. Правда, с поселком он, похоже, в свое время крепко просчитался. Место не сильно

удачное. До сих пор три сотни живет, да по хуторам еще столько же. На звание не тянет, разве сотника достоин, но это уже давно чисто должность, а не воинский ранг. Лишний раз подчеркнуть, что не назначен и не посадник. Много больше прав имеет по закону.

— ...Новую достанем.

— И я не стану переделывать участки за чужой счет даже в твою, Иван Вышатич, пользу.

— А и не надо, — сразу ответил тот. — Лучше официально прирезать к прежнему дополнительно пустошь с лесами. С людьми я поговорю.

— Тогда и подать вырастет.

— Она по-любому изменится. Раньше платили общую сумму и распределяли советом. Теперь каждый за себя станет отвечать.

А вот это действительно неприятно. Бедным или кому удача не пришла по независящим причинам община помогала до сих пор. Теперь все изменится.

— Уйдут.

— Куда? В другом месте лучше? Там целину поднимать придется. А через пять лет, как обустроишься, заявятся мытари и налог требуют. Как у нас в свое время. Станут иные ломаться, — после паузы пренебрежительно сказал тысяцкий, махнув рукой. — Им лишь бы прокормиться да выпить. Река рядом, охота не возбраняется, глядишь, и от земли откажутся.

Кажется, его планы простираются много дальше моих представлений, и я пока мальчишка, чтобы с матерым купцом всерьез тягаться, с уважением подумал парень.

— Насчет оплаты...

— С чего это обижу? Вот и книгу дам навечно. В подарок.

Забавно, а ведь не сомневается, что смогу. Приятно, черт возьми!

— Нет, правильно обговорить цену моей работы, — заявил Данила вслух.

— Так люди все разные, — проникновенно сказал Вышатич, — у иных и нету ничего. Как заранее решать?

— А по размеру участка. Чем больше, тем дороже.

— А как считать, если череспосолица?

Начиналась торговля, и ему, конечно, не сравниться со съевшим стаю собак с пудом солью на подобных сделках, од-

нако сразу соглашаться на первое предложение — себя не уважать. Пусть понемногу, но, если с каждой семьи в округе получить оплату в том или ином виде, немалое подспорье для своих выйдет. Из ямы они точно вылезут, и чем больше сейчас сумеет выбить, тем больший запас на будущее получит. Денег, скорее всего, с местных особо не поиметь. Лишнего серебра ни у кого не водится. Но можно брать услугами и получить много должников.

Глава 3 ОБЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Это все-таки была не настоящая тайга. Среди хвойных пород отдельными деревьями или целыми небольшими массивами встречались широколиственные деревья — дуб, липа, клен. Значит, далеко на север не заплыли. Деревья стояли достаточно привольно, не тесня друг друга. В прогалинах росли серебристые березы и клены, выделяясь на фоне могучих лиственниц и сосен. Идти по звериной тропе вдоль ручья достаточно удобно. Местные животные хорошо знают округу и прокладывают себе путь. Не приходится лезть через кусты и бурелом, прыгая по камням с риском сломать ногу. Даже простой ушиб мог дорого обойтись одиночке.

Потом Данила наткнулся на гарь. Издалека было понятно — это не работа человека. Люди сначала подсекают стволы, дают высохнуть — и лишь после пускают пал. В старые времена многие этим занимались, ведь сгоревшие деревья оставляют после себя не просто пустое место, а затем во много раз вырастает урожайность ржи с пшеницей, посеянных там. Проходит несколько лет — и сбор зерна начинает заметно падать, подсказывая хозяину про необходимость искать новый участок.

Собственно, мужики заранее находят подходящую землю в ближайших окрестностях и перебираются туда. Опять рубка леса и прочее, и так без конца. Лес огромен, но, если ты хочешь продать урожай, надо держаться определенных торговых путей. В первую очередь рек. А земли возле Дона или Днепра достаточно плодородны, чтобы ломаться еще дополнительно в лесу. Пока людей не особо много и нет необходимости вновь

и вновь поднимать целину. Но когда они появятся — а это, судя по всему, рано или поздно случится, уже земля принадлежит особо шустрым. Его семье в том числе. Во всяком случае, так думал его отец. Как оказалось, поторопился.

Огромное, на много верст пространство выгоревшей чащи все тянулось и тянулось. Почерневшие стволы, лишенные ветвей и листьев, торчали жалко и безобразно. Лишь изредка пробивались молодые ростки. Похоже, пожар бушевал совсем недавно и достаточно долго. До сих пор можно почувствовать запах древесного угля. Неизвестно, можно ли верить, пару раз в книге про охоту попадались достаточно странные вещи, но автор сообщал, что гари полезны для леса. Если очень долго не случалось локального пожара, желуди, опадавшие на землю, перестали прорастать. Среди дубов вырастали другие деревья, мешающие. Через поколение дубовый лес превращается в свое жалкое подобие, а еще несколько позже практически погибает. Если вспомнить, что свиньи частенько пасутся в лесу практически без присмотра, это удар по хозяйству.

Проверить на практике идею не довелось. Тем более что устраивать пожар возле их поселка для проверки никто не позволит. Тут дело достаточно тонкое, требующее большой осторожности и опыта. Иначе запросто доиграешься до тяжелых последствий. И поротой задницей не отделаешься. Короче, самое умное — дожидаться естественного пала и посмотреть в сравнении. Тут прямо к его услугам молния поработала. Только ведь не останешься дожидаться результата. Не настолько он сдвинутый, чтобы сидеть несколько лет, — выяснить результат быстро не удастся.

Из-под ног взлетала мелкая пыль, оставшаяся после огня, иногда нить паутины неприятно задевала лицо или полуголое тело, но то уже мелочи жизни. Говорят, когда много паутины в лесу, лето предстоит долгое и жаркое. Пока что до него надо дожить, а с его возможностями особыми успехами похвастаться нельзя. Лук в детстве мастерят практически все. Он удобен для охоты, обходится значительно дешевле фузеи и пороха. Правда, и охотятся с ним в основном на всякую мелочь вроде голубей или сурков с кроликами.

До самой темноты Данила строгал ветку кедра, пока та не стала плоской с сердцевины и круглой снаружи. На стрелы расколол парочку веток ясеня, обжег их с одной стороны и

вставил перья с противоположной. Осталось натянуть тетиву. К сожалению, шнурок не отличался правильными качествами и особой упругостью. Стрелы упорно летели куда угодно, только не в нужном направлении. На глаза неоднократно попадалась самая разнообразная живность, однажды рядом, будто зная, что он все равно стрелять не станет — без нормального наконечника зверя не свалить, — остановились олени и с любопытством выслушали ругань в свой адрес. Спокойно развернулись и удалились при попытке подойти ближе.

Два десятка выстрелов закончились почти случайным попаданием в белку, да еще небольшого ужа прибил палкой. Хоть и небольшое, но подспорье. Мясо есть мясо, и на вкус змея вроде курятины. Приходилось пробовать. Правда, то было не с голодухи, а для интереса, в компании с другими ребятами. Лет десять, что ли, им тогда стукнуло.

Любой приличный охотник покрутил бы пальцем у виска и откровенно ухмыльнулся при виде его успехов. А что делать, если на тетиву идет сухожилие, а взять его требуется у того же оленя, которого не свалить из имеющегося лука. Бесконечный замкнутый круг получается. Тем более без наконечника даже шкуры не пробить. А подставлять башку под дубину звери не собираются — не настолько дурные.

Отмахал за эту пару дней достаточно далеко. Правильно будет заняться улучшением положения, решил он, обнаружив буковую рощу на выходе из уничтоженной пожаром полосы. Она будто остановилась перед старыми деревьями, и огонь не посмел пойти дальше. Самое суеверно принялся бы плевать-ся, подарил обитателям священной рощи самое ценное и стремительно удрал. Почему-то среди дикарей ходили стойкие басни насчет живущих в подобных местах духов, заманивающих людей нежным пением в норы и превращающих их там в ящериц, зайцев и других обитателей леса.

Данила был словенин и мрачные сказки Хионии воспринимал со здоровым недоверием. О причинах рассказней он догадывался. Дождевая вода почти не задерживается на ветвях и гладких стволах бука, уходя в землю, а свет, наоборот, почти не проникает вниз. Под пологом деревьев царит темнота, сравнимая с поздним вечером в самый солнечный день. Мрачное местечко. Подлеска в настоящем понимании в старом буковом лесу почти нет, даже мха. Каждую осень нарож-

дающуюся моховую дернину покрывает новый слой листопада. Зато под деревьями плодороднейшая почва, откуда бьют вкуснейшие родники.

Самое подходящее место для его целей — возле речки на границе роши. Заготовливать дрова для костра лучше загодя, попутно посмотреть берег на предмет подходящих кремней под запланированные цели. Вечером сплести новые лапти и сделать кружку с котелком и ложку. Если варить мясо, пожалуй, неплохо заодно и бульончику похлебать. Соль отсутствует, но где-то по дороге могут попасться солончаки.

Бересты Данила достаточно надрал по дороге. Элементарно складывается в нечто вроде коробочки. От размера и глубины зависит кружка, котелок или тарелка. Конечно, напоказ, от скуки зимой или для продажи можно сшить выступающие края красивым швом с помощью ниток, расписать снаружи растительными узорами или геометрическим орнаментом. В его положении хвастаться умением не перед кем и незачем. Вставил пару прутиков вместо ручки, связал края от самопроизвольного раскладывания тоненькой ивовой лозой — и поднялся, собираясь зачерпнуть воды. Первое испытание прочности.

На последнем шаге замер с поднятой ногой. Он не мог ошибиться! Под корягой была чужая тень. Рыба! И, кажется, немаленькая. С гулко стучащим сердцем вернулся назад, подобрал свою палку с обожженным концом, тихонько прокрался на прежнее место и, прикинув, где должно находиться туловище, чтобы не ошибиться из-за слоя воды, изо всех сил ударил, сверзившись при этом в воду, но не выпуская кола и ощущая бьющуюся на нем рыбу.

— Попал! — закричал счастливо на всю округу.

Это оказался налим. Широкая, сплюснутая, как у лягушки, голова, огромная усаженная мелкими зубами пасть, черные злые глаза, свисающие вниз усы. Пятнистое тело обильно покрыто клейкой слизью. В теплые солнечные дни он любит сидеть в тени, предпочитая холодную воду. А вот ночная темень — самая налимяя пора. Тут он сам выходит на охоту, не брезгуя мелкой рыбешкой, мальками своей же породы, а при случае и живностью вроде мышки. Случается, налимы вырастают в добрую сажень и пару пудов весом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Неожиданные происшествия	5
<i>Глава 2.</i> Дальние планы	15
<i>Глава 3.</i> Обычные проблемы	30
<i>Глава 4.</i> Новый знакомый.	41
<i>Глава 5.</i> Подозрительный лектор.	55
<i>Глава 6.</i> Конец ожидания	68
<i>Глава 7.</i> Сеземцы	78
<i>Глава 8.</i> Поручение	91
<i>Глава 9.</i> Настоящий волхв	102
<i>Глава 10.</i> Всевозможная помощь	117
<i>Глава 11.</i> Охотничий сезон	130
<i>Глава 12.</i> Совершить месть	142
<i>Глава 13.</i> Тихая лесная жизнь	156
<i>Глава 14.</i> Отчет о проделанной работе	167
<i>Глава 15.</i> Новый Смоленск	180
<i>Глава 16.</i> Жулики	193
<i>Глава 17.</i> Планы коммерческие	204
<i>Глава 18.</i> Чужие интересы	215
<i>Глава 19.</i> Прежнее и нынешнее	229
<i>Глава 20.</i> Семья и дом	242
<i>Глава 21.</i> Смоленск	258
<i>Глава 22.</i> Коммерция	270
<i>Глава 23.</i> Мимо власти и налогов	281
<i>Глава 24.</i> Планы на будущее	293
<i>Эпилог</i>	307